32-10
5490

А. Нухрат

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Октябрь и женщина Востока

Партиздат 1932

32-10
5490

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

А. НУХРАТ

Октябрь и женщина Востока

Г.П.Б. в Лнгр.
Ц
О.Э. 1932 г.
Инв. № 567

1932
Партийное издательство
москва

Содержание

1. Женщина Востока до Октября — 3
   - С пелонок до могилы — без просвета — 3
   - Дом тюрьма — 5
   - Жена—раба мужа — 8
   - Лошадь можно подарить, а дочь только продать — 10
   - Беспросветная темнота, вырождение—итоги старого режима — 14
2. Штурм старого быта — 16
   - Октябрьская революция уничтожила национальное угнетение — 16
   - Советские законы раскрепощения — 21
   - Борьба с чадрой — 26
   - Пальто — горянке — 32
3. Великая переделка людей — 34
   - Героини социалистической стройки — 34
   - Новые кадры заводам и фабрикам — 39
   - Через преодоление трудностей к полной победе социализма — 45

Редактор А. Бондаренко
Техредактор А. Иванова

Сдано в производство 15/VIII—32 г.
Подписано к печати 15/IX—32 г.
Уполн. Главл. Б—30680. Партиздат 1740.
Тираж 35 000 экз. Формат 82×110/32.
3½ п. л. 38 720 зн. в п. л. Заказ тип. 5989

Фабрика книги «Красный пролетарий», Краснопролетарская, 16.

Женщина Востока до Октября

С пеленок до могилы — без просвета

До Октября во всей необъятной России не было человека, более обездоленного и темного, более забитого и закабаленного, чем женщина Востока. Трудящаяся женщина Востока переносила тройной гнет. Она эксплоатировалась и своей, и русской буржуазией, и духовенством.

Царская Россия была тюрьмой народов. На жестокую эксплоатацию, произвол и насилие было обречено более ста различных народностей. Захватническая политика царизма привела многие народы к вырождению, почти уничтожила их национальную культуру, развалила их хозяйственную жизнь. Некоторые многочисленные и сильные народы, жившие на территории, завоеванной Россией, совсем исчезли с лица земли. Десятки и сотни тысяч «инородцов»—так назывались все нерусские национальности в прошлом—физически уничтожались за мятеж против русского царя. Кавказ боролся за свою независимость в течение пятидесяти лет. Не раз восставали вольные сыны степей—казаки и киргизы, поволжские народности. Но освободились они только с победой пролетариата, с победой великого Октября.

Женщина Востока в прошлом подвергалась самому тягчайшему насилию. С пеленок и до могилы жизнь ее была беспросветна и бесправна. Мать, родившая девочку, предавалась общему презрению, а день тот был днем печали.

Женщина считалась презренным, нечистым существом. По обычаю на Северном Кавказе горец никогда не подавал руку женщине, а если его вынуждали к тому обстоятельства, то он обертывал кисть руки одеждой. По тому же обычаю всякое, даже случайное прикосновение к женщине обязывало мужчину к омовению с ног до головы и произнесению

очистительных молитв. Когда умирал мужчина, устраивались продолжительные обряды—оплакивание, сидение на могиле. О женщине после смерти считалось неприличным даже вспоминать. Среди отсталых в культурном отношении народностей женщина считалась настолько нечистым существом, что ей не разрешалось даже рожать в жилом помещении. В горах для этого складывалось нечто вроде собачьей конуры из камней, а на севере имелись так называемые «поганые чумы». В них женщина рожала одна, без всякой помощи, в холоде, на голой земле. Много женщин погибло из-за этих диких обычаев старины. Многие матери, потеряв силы, замерзали вместе с ребенком, другие погибали от заражения крови.

У отсталой части ненцев (самоеды) женщина и до сих пор считается поганой. Ей нельзя ступать на правую, более почетную, сторону юрты. Женщина не может перешагнуть через сбрую оленей, рыболовные снасти, охотничьи принадлежности и одежду мужчины,—она их осквернит. Для поездок женщины и перевозки ее одежды отводится особая, самая негодная упряжка оленей.

Жестокий, мучительный удел женщины Востока освящен религией и теми законами и обычаями, которые сложились под влиянием религии, всегда защищающей рабство и право господ. Под этим законом, называемым «адатом» и «шариатом», жили до Октября многие восточные народности, мусульмане по религии.

Царское правительство узаконило эти адаты и шариаты, потому что они помогали порабощению женщины, эксплоатации бедноты, охраняли «священное» право частной собственности.

Шариат и адат руководили всей жизнью правоверного мусульманина; от рождения до могилы они определяли каждый шаг его.

По учению корана

«...всякие клятвы перед женщиной не обязательны, потому что женщина не человек».

У некоторых народностей женщина совсем не имела права на наследство, а где это право существовало, то оно в несколько раз было меньше по сравнению с правом мужчины. «Бог в отношении детей ваших заповедует вам: доля сына равна доле двух дочерей»,—говорится в коране.

Законы осетин гласят:

«Большой стыд тому из сыновей, который отделится при жизни отца и матери. Что же касается дочерей, то они из отцовского имения не получают никакой доли;

даже в том случае, если нет сыновей, и тогда имение переходит к ближайшим родственникам мужского пола, по мужской линии» (подчеркнуто нами.—*А. Н.*).

По шариату и адату женщина после смерти мужа не имеет права наследовать имущество мужа, она со всеми детьми и имуществом переходит к брату мужа или другому ближайшему родственнику и становится его женой, его неотъемлемой собственностью.

Дом-тюрьма

Жизнь женщины Востока в прошлом была замкнута в душных стенах дома-тюрьмы. На Востоке всюду существовало затворничество женщин. Оно в той или иной степени распространялось на всех женщин-мусульманок.

Затворничество женщины наиболее строго соблюдалось у узбеков, тюрков и персов. Слабее его выполняли крымские и казанские татары, туркмены, казаки.

Затворничество в городах соблюдалось строже, чем в деревне. Это объясняется тем, что в деревне крестьянке приходилось работать на полевых работах. В городе, особенно среди торговых элементов, женщина занята только домашним трудом, и здесь затворничество сохраняло наибольшую силу.

Затворничество в прошлом было у тех восточных народностей, которые, перейдя от кочевого образа жизни к оседлому, занялись земледелием и торговлей. Среди них появились купцы, помещики, князья—владельцы больших участков земли. Это были воинственные и могущественные племена-завоеватели, они жили трудами рабов-чужеземцев. Женщина племен-завоевателей была превращена в затворницу, заперта в отдельную женскую половину, закрыта чадрой. Она стала утехой мужа—своего господина и повелителя.

Затворничество у кочевников не так строго, как у оседлых народностей. В кочевом хозяйстве женский труд—основная сила, и затворничество здесь—помеха хозяйству. Среди кочевых племен затворничество насильно внедрялось исламом—мусульманской религией. Но осуществить его среди кочевниц до конца исламу не удалось. Ни казачки, ни киргизки не носили чадры или паранджи, но они не смели свободно разговаривать с посторонними мужчинами, бывать в общественных местах без мужа или отца. Они были изолированы от общества.

Женщины оседлых народностей—узбечки или тюрчанки не

имели права выходить на улицу без разрешения мужа или старшего в доме. Выходя на улицу в сопровождении кого-либо из родственников, они должны были обязательно укрываться особыми покрывалами. Тюрчанки и персианки укрывались чадрой—черным или цветным бесформенным покрывалом, окутывающим голову и тело женщины до самых пят. Покрывало должно было закрывать и лицо, оставляя открытым только полглаза, чтобы разглядеть дорогу.

Узбечки ходили в паранджe с чачваном. Паранджа—это серый мешок с густой, черной сеткой из конских волос (чачван). Паранджа одевается на голову и окутывает всю фигуру, чачван прикрывает лицо. Трудно ходить узбечке под паранджой—невыносимо душно, пыльно и жарко под ней летом, холодно зимой. Через сетку видно очень плохо, сетка портит зрение.

Кто-то из коммунистов Средней Азии назвал паранджу передвижной тюрьмой для женщин,—и это верно. Без паранджи узбечка может бывать только в ичкари—отдельном женском дворике, наглухо отгороженном с улицы и от общего двора высокой глиняной стеной. Весь мир женщины заключается в этих стенах. За их пределами царят произвол и насилие над женщиной.

Паранджу надевали на девушек с 9—10 лет... и так до глубокой старости... до смерти.

Туркменки не носили чадры. Но голову туркменки давила тяжелая войлочная шапка (иной раз в 12 *кг* весом), которую она по обычаю не снимала ни днем, ни ночью, рот ее был прикрыт платком в знак подчиненного положения женщины, в знак того, что она не должна много разговаривать и быть покорной рабой. Платок, покрывающий рот туркменки, назывался «яшмак», такой же яшмак носила и армянка.

Крымская татарка носила небольшую и легкую чадру, казанские татарки, башкирки и горянки Северного Кавказа укрывались большими платками. При встрече с посторонними мужчинами татарки должны были отворачиваться и прикрывать свое лицо в знак скромности, покорности и унижения. По старым обычаям женщина Востока не имела права появляться в театре, кино, на собрании, разговаривать с посторонними мужчинами.

Законы старого мира затворничества запрещали женщине иметь самостоятельный заработок. Женщина Востока не могла даже пойти на рынок или в магазин. Туркменку, побывавшую в городе, считали «кяфир»—изменницей богу, предавшей веру отцов, испорченной, развратной женщиной. Эксплоататорский мир знал, что труд дает силу, самостоятель-

Две узбечки в паранджах. За ними — муж одной с ребенком

ность, свободу женщине-восточнице. Он лишил ее права на самостоятельный труд.

Восточница не могла быть батрачкой. Религия запрещала мусульманину держать в своем доме постороннюю женщину. Женщина могла жить в чужом доме только в качестве ближайшей родственницы. Этим прикрывалась жесточайшая эксплоатация дальних родственниц-беднячек.

И если для жены торговца, для женщины из буржуазных слоев затворничество было пленом, безрадостным ничегонеделанием, то для беднячки это было проклятием, гибелью. Узбечка вдова-беднячка с кучей детей из-за законов затворничества была присуждена к голодной смерти, к жесточайшей эксплоатации. Не имея возможности итти на посторонний заработок вне дома, она зарабатывала свой хлеб рукоделием—вышиванием тюбетеек, ковров, шитьем одеял и халатов и была целиком в руках скупщиков. Она не могла пойти на базар продавать свои изделия, а передавала их

скупщику, робко протянув руку через дверь. Скупщик, пользуясь беззащитностью женщины, брал с нее тройную цену за нитки и ткань, а за труды платил гроши.

Беднота в городе и деревне глубоко тяготилась законами затворничества. Земля требовала больших трудов многих рабочих рук, а женщину эксплоататоры принуждали сидеть дома, чтобы лишить ее возможности стать общественно-полезным человеком.

Жена—раба мужа

Женщина Востока в прошлом была лишена всяких прав и не имела ни малейшей возможности проявлять себя. Ее воля—воля родителей и мужа.

Девушка беспрекословно выходила замуж за того, за кого ее выдавали. Родителям было предоставлено безграничное право над детьми. Адаты осетин говорят:

«Если отец или мать убьют сына или дочь, то нет ни мщения, ни взыскания».

Мальчику произвол родителей был страшен, пока он подрастал, а потом он имел право сильного, право мужчины. В ином положении была девочка. Над ней имели власть отец, брат, муж, отец мужа, брат мужа, мать мужа, жена старшего брата мужа, старшая жена мужа, весь род, все племя...

Никто на Востоке не спрашивал согласия девушки на замужество. По адатам ингушей, родственники девушки или женщины, получив калым[1], выдавали ее замуж, не спрашивая и даже не думая о ее согласии.

Безгранична была и власть мужа над женой.

Шариат о правах мужа и жены говорит так:

«Жена должна строго сохранять верность мужу, иметь одного мужа, избегать всякой близости с посторонним мужчиной, не показываться без уважительной причины в публичных местах, исполнять все приказания мужа.

Жена должна строго исполнять все указанные выше правила, иначе муж разведется с ней. Муж может наказывать непокорную жену путем лишения свободы, подвергать ее телесным наказаниям. Муж не подвергается взысканиям за несоблюдение супружеской верности».

Обязательства жены не влекут взаимных обязательств со стороны мужа, ибо муж—властелин, жена—покорная раба.

[1] Калым — выкуп за невесту.

Адат чеченцев говорит об этом со всей циничностью:

«Жена подчинена мужу как своему законному господину. Она должна работать на него, сносить безропотно наказания и во всем своем поведении оказывать ему раболепное уважение холопа к вольному; жена находится при муже и не ест вместе с ним»[1].

Жена недостойна есть вместе с мужем. У большинства восточных народностей, в частности у горцев, женщины всегда едят после того, как насытятся мужчины и даже дети—мальчики свыше 10 лет. У буряг и казаков женщина также питается объедками мужчин.

Вот что проповедует адат осетин (записано во Владикавказском округе):

«Муж есть повелитель и судья своей жены, а жена — первая работница в доме. Она не только исполняет всякую домашнюю работу — стряпает, ткет сукно, шьет на мужа, но должна седлать и убирать лошадь мужа. Муж имеет право наказывать свою жену за провинности и словами и побоями, даже до увечья, никто в таком случае не имеет права вступиться за его жену, даже отец или брат ее»[2].

Полное бесправие, рабство женщины освящается законом мусульман. На основе корана жизнь каждой восточной женщины превращалась в ад. Эти законы делали из нее безгласную рабыню, вьючное животное, собственность мужа. Из-за этих законов она не видела в жизни радости, не знала счастья. Вся ее жизнь была сплошным страданием. Эти адаты—законы бога «милостивого»—связывали женщину по рукам и ногам. Она не смела поднять голоса против них, не смела нарушить их. За малейшее нарушение законов ее избивал муж, над ней издевалась вся родня.

На Северном Кавказе за малейшее нарушение адата девушку или женщину сталкивали в пропасть или, привязав к «черному камню», всем аулом плевали ей в лицо и всячески издевались над ней. Уже при советской власти на Кавказе в одном ауле был раскрыт подвал, в котором несколько лет просидела девушка, привязанная цепью к столбу за неповиновение родственнику-кулаку.

На Востоке обручение—запродажа девушки в замужество практикуется в младенческом возрасте, даже в колы-

[1] Леонтович, Адаты кавказских горцев.
[2] Там же.

бели. Уже с колыбели девочка—собственность чужой семьи. Браки совершаются не только в 9—10 лет, но даже в более раннем возрасте.

«Зейнаб Карибова семилетним ребенком во время голодовки в Фергане была продана своим братом старику-баю[1] за 192 *кг* муки и корову. Над ней жестоко издевался муж за то, что она не веселая и не умеет ему угодить. Ее обижали дети мужа, старше ее по возросту.

Закирову Тахта-Биб и мать-батрачка, чтобы спасти от голода, отдала одиннадцати лет на воспитание старому богатому родственнику. По сердцу пришлась дядюшке красивая племянница, и он через три дня насильно сделал ее своей женой.

Фатьма еще трех лет была сговорена в жены сыну соседа, который был старше ее на три года. Но, когда ей исполнилось одиннадцать лет, мать по нужде перепродала ее богатому старику.

Все три ребенка, пережившие жуткие издевательства, очутились под защитой женотдела. Здесь они выправились физически и ожили. Тут физкультура, детские игры, музыкальный кружок, естествознание, обществоведение, хорошая книга и газета. Эта новая жизнь сделала их настоящими людьми, активными поборницами за раскрепощение женщин»[2].

Лошадь можно подарить, а дочь — только продать

Так же как шерсть, шелк, зерно, женщина имела свою цену—калым. Калым—выкуп за невесту, плата за проданный товар,—это один из пережитков родовых отношений. Один род, передавая женщину в жены другому роду, терял драгоценную рабочую силу и человеческую единицу, что и возмещалось выкупом в виде скота и других ценностей. Среди различных национальностей калым имел и различное значение и различную стоимость и продолжительность выплаты.

Но всюду калым служил средством эксплоатации бедноты. В некоторых национальных районах существовал обычай отработки за невесту. Жених нанимался батраком к родителям своей будущей жены и работал безвозмездно в течение ряда лет, пока не выплатит калым. Бывали случаи, когда жених работал 10—15 лет и не получал жену,—его просто выгоняли.

---

[1] Бай — кулак.

[2] Сб. «За пять лет», изд. женотдела Средазбюро ЦК ВКП(б).

Размер калыма от 25—40 руб. доходил до 1,5—2 тыс. руб. и до нескольких десятков голов крупного скота. Размер зависел от богатства, знатности, молодости и красоты невесты, ее работоспособности и здоровья. Чтобы облегчить уплату калыма, выплачивали его в течение нескольких лет.

Тагаурское общество, по адату осетин, платило за девушку 300 руб. серебром и лошадь.

Общество фарсалаг за девушку-невесту платило выкуп—60 коров или 30 быков.

Калым—наиболее сохранившийся из старых обычаев.

Калым создавал для бедняка и батрака заколдованный круг беспросветного существования. Бай (кулак), имея возможность внести выкуп сразу за трех-четырех невест, «женил» своих 2—3-летних сыновей, получал и воду (которую давали только женатым) и землю соответственно числу женатых. Бедняк не имел средств для выплаты крупной суммы калыма,—он отдавал взрослых сыновей в батраки к богатому соседу, где они до преклонных лет отрабатывали себе возможность жениться, зарабатывая калым.

«Нередки были случаи перепродажи девушек, жен, вдов. Женившись в Чарджуйском округе и уплатив за невесту 300—400 руб. калыма, «муж» приезжал затем в Мерв и перепродавал свою жену за 1—2 тыс. руб.»[1].

Случаи спекуляции женщинами имели место и в Бурято-Монголии.

«В Хоринском аймаке до 1925 г. существовала продажа женщин. Приезжали из Эхирит-булагатского аймака специальные люди, покупали за 50 — 100 руб. девушку или женщину под видом взятия замуж. Возвратившись в свой аймак, перепродавали другим лицам за более дорогую цену. Таким образом женщина переходила от одного к другому»[2].

Помимо спекуляции, брака и обручения малолетних калым влек за собой и ряд других тяжелых для женщины последствий.

При раннем обручении детей шариат, предусматривая возможность смерти жениха или невесты, допускал замену их. В случае смерти невесты жених берет ее родную сестру. Если же некем заменить или невеста выйдет замуж за другого, родители возвращают калым полностью, да еще с надбавкой. Возвращается калым и в случае ухода жены от мужа. Отсюда понятно, что родители убивают убежавших

---

[1] Журнал «Туркменоведение» № 2—3 за 1930 г.

[2] Из сборника женсектора Буробкома ВКП(б).

от истязаний мужа дочерей и при всех условиях возвращать их обратно.

Калым у туркменов влечет обычай, так называемый «каршылык»,—обмен дочери или сестры на девушку-невесту, конечно без согласия этих девушек. Если бедняк не в состоянии заплатить калым, он обменивает девушку, свою дочь, на девушку из чужой семьи, которая становится женой его сына.

Калым вызывает умыкание девушек. Не будучи в состоянии заплатить за невесту большой выкуп, ее просто-напросто воруют. На Кавказе например вооруженная толпа мужчин нападает на дом девушки и силой уводит ее. Иногда воруют по дороге к роднику, когда девушка идет по воду, иногда на улице во время игр.

Умыкание девушек почти всегда сопровождается насилием. В редких случаях умыкание девушки обходится без человеческих жертв. Украденная и изнасилованная девушка поневоле оставалась в доме своего «вора», ибо ей некуда было деваться. Она считалась опозоренной, ее не принимали обратно в дом. Покоряясь горькой женской доле, она оставалась коротать мучительную жизнь с насильником мужем.

Умыкание губительно отражалось на девушке. Бывали случаи, когда после насилия и тяжелых переживаний, связанных с этим, девушки сходили с ума или тяжко заболевали.

Умыкание, хотя и не избавляет полностью от выкупа, но все же за украденную девушку полагается платить меньше.

На Востоке существует обычай многоженства. Мусульманская религия разрешает «правоверному» иметь до четырех законных жен и наложниц «без числа». Коран повелевает ему быть одинаково справедливым по отношению к каждой из жен; у женщины же может быть только один муж.

Жена—бесплатная рабочая сила, и многоженство таким образом является средством эксплоатации женщины. Покупать и содержать много жен имеет возможность только богатый. В кочевом хозяйстве (у туркменов и казаков), где женщины исполняют самую тяжелую работу по хозяйству, иногда первая жена сама просит купить в помощь себе вторую жену. Она сама по приказу мужа отправляется искать подходящую кандидатуру...

Вот маленькая повесть одной туркменки из Ашхабада (столица Туркмении).

«Таккo-Алла-Верды-Кызы, жительница аула Ганджик, Геоктепинского района, 17 лет, была продана родным дядей за несколько верблюдов и серебряных украшений старику Реджеб Овез-оглы. Он имел жену и пять взрослых дочерей. Муж и вся его семья издевались над ней, заставляли работать сверх сил, дер-

Туркменка с серьгой в носу

жали вниголодь. Однажды, подвесив за ноги к потолку кибитки, они долго били ее камнями, жгли огнем ее тело, дергали за волосы. Жила она в самом темном и грязном углу кибитки, здесь, на куче золы, она спала и ела.

Ей удалось сбежать от мужа. Когда ее привели в Дом дехканки, голова ее представляла собой свалявшийся войлок, кишащий насекомыми. Отмывали ее горячей водой больше часу. До ванны она выглядела дряхлой старухой. Вымыли — оказалась красивой, статной девушкой не старше 15—16 лет.

В первые дни она плакала от счастья. Как ребенок, радовалась все у, что видела, не отходила от заведующей домом, всюду следовала за ней, просила, чтобы ее оставили навсегда в городе учиться и работать».[1]

[1] Из книги записей Центрального дома Туркмении.

Молодая женщина, получившая развод, очень часто была обречена на безбрачную жизнь или потому, что родственники ее не имели средств возвратить какую-нибудь ничтожную часть ее калыма мужу, или чаще потому, что сам муж уклонялся от принятия калыма единственно с тей целью, чтобы разведенная не принадлежала ни ему, ни другому.

Женщина была обездолена как дочь, как девушка, как жена и даже как мать. Адат ингушей возглашает:

«По разводе мужа с женой прижитые в супружестве дети... остаются в доме отца: мать не имеет никакого права требовать их от мужа».

Адат чеченцев говорит об этом еще определеннее:

«Над детьми мать не имеет никакой власти...»

Таков звериный быт царской России, которая была тюрьмой народов, палачом всех трудящихся и лобным местом—позорным «черным столбом» для труженицы Востока.

Беспросветная темнота, вырождение — итоги старого режима

Безграмотность, дикие суеверия, социальные болезни господствовали среди трудящихся Востока. Поп, мулла, ишан, знахари всех родов дурачили женщину, затемняя ее мозг, уродуя и калеча ее организм.

Браки малолетних, освящаемые богом и агентами его на земле—муллами и ишанами, вели к серьезнейшим заболеваниям, к бесплодию. Бесплодие же считалось величайшим позором, и жизнь такой женщины становилась невыносимой. От попреков, побоев и презрения окружающих она теряла голову, бросалась за помощью к прославленным святыням, муллам и шейхам. По их рецептам, утренней порой она выходила мыться росой в степь, с первыми лучами солнца шла к горным родникам, лизала пол мечети, молилась у могил святых. Она несла последние гроши бабкам и повитухам, отдавая им свои наряды, свой труд.

Мы уже говорили выше, в каких условиях происходят роды у некоторых отсталых народностей. Вот еще несколько слов о родах, о браках малолетних и их последствиях у туркменов Атрекского района.

«Беременность отнюдь не ведет за собой бережного отношения со стороны мужа. До последнего дня беременности у туркменок не прекращается обычный ход трудовой жизни. Как и все туркменки, местные жительницы рожают в пыльной, задымленной кабитке, с грязными кошмами. Рожают, сидя на корточках прямо на земле, не обмыв тела, не сняв даже обычной засаленной грязной одежды. Уже через два-три дня после родов женщина попрежнему работает, продолжает свой обычный труд» [1].

Из 153 опрошенных женщин-восточниц—134 вышли замуж от 9 до 15 лет.

Раннее замужество, ранние и частые роды изнуряют женщину, ведут к громадной убыли женского населения. Об этом говорят материалы обследования того же района.

Переписью по Атрекскому району было учтено 8 749 мужчин и 7 949 женщин. Такое явление, что женщин меньше, чем мужчин, наблюдается среди целого ряда отсталых национальностей—среди восточных бурят, узбеков, калмыков, тюрков и др. К этому привели колониальная политика царей, безмерно эксплоатировавших «инородцев», и те «божеские» законы, которые охранялись попами и самими царями.

Калмыцкие геллюнги и буддийские ламы (монахи) не советуют мести пол и стирать халат. Отсталые восточные народности почти никогда не стирали белья и не мели полов.

На Востоке существовали обычаи, вредные для здоровья женщин. К таким обычаям относится ношение камзола у калмычек. С 10—11 лет зашивали калмычку в камзол. Камзол, сделанный из тонкой кожи или холста, туго стягивался вокруг грудной клетки девочки и зашивался на ней. Камзол не снимался до первой брачной ночи. От этого грудь у калмычки становилась узкой, плоской, грудные железы не развивались, и она не могла выкормить первого ребенка. Первые дети, как правило, умирали. Сами калмычки вследствие слабо развитой грудной клетки были подвержены легочным заболеваниям.

Это все горькие факты прошлого. С победой пролетариата изменяется и отношение к женщине. Из рабыни она превращается в полноправного члена Советского союза, активно борясь с рабскими пережитками прошлого, включаясь в общую борьбу всех трудящихся Советского союза за новую жизнь, за социализм.

---

[1] Рубин, Особенности физического развития половой жизни туркменок, племени комуд. Труды научно-исследовательской экспедиции.

Штурм старого быта

Октябрьская революция уничтожила национальное угнетение

«Только в лагере советов, только в условиях диктатуры пролетариата, сплотившей вокруг себя большинство населения, оказалось возможным уничтожить в корне национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов» [1].

Коммунистическая партия твердо и последовательно проводит ленинскую линию в национальной политике, претворяя в жизнь свою программу боевых действий.

В программе коммунистической партии сказано:

«В целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение».

Политика советской власти в отношении национальностей совершенно отлична от политики царской России и буржуазных государств. Как и в царской России, там господствовали национальная вражда, подавление большинством населения национального меньшинства.

«Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и наконец по возможности руссифицировать

[1] Декларация об образовании Союза советских социалистических республик, раздел первый.

их. Результаты такой политики—неразвитость и политическая отсталость этих народов» [1].

Задача коммунистической партии с первых же дней образования советов в национальных районах состояла в том, чтобы

«...помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке» [1].

Под руководством большевистской партии Страна советов с первых же дней укрепления советов в национальных районах начала длительную и упорную борьбу с экономической и культурной отсталостью националов, со всеми остатками национального угнетения. В первые же годы, твердо и последовательно проводя программу партии о праве наций на самоопределение, трудящиеся СССР образовали национальные автономные области и республики, которые затем объединились в единый союз народов—Союз советских социалистических республик.

Пролетариат при советском строе нашел ключ к правильному разрешению национального вопроса и организации многонационального государства на началах национального равноправия и добровольности.

Образование автономных областей, автономных и союзных республик обеспечило для всех народностей огромный экономический и культурный рост на основе вовлечения в социалистическое строительство миллионных масс трудящихся всех национальностей Союза. Укрепляя и развивая свое хозяйство, развивая национальную по форме и пролетарскую по содержанию культуру, трудящиеся всех национальностей Союза, под руководством большевистской партии, проводя ее генеральную линию, развили победоносное наступление на

[1] Из резолюции X съезда партии. «РКП(б) в резолюциях ее съездов и конференций», стр. 324, изд. 1922 г.

Тов. Шкурджан Сабирова, чл. ЦИК СССР, направлена на юридические курсы для выдвиженцев

классового врага. В итоге ликвидированы остатки феодальных патриархальных отношений, окончательно подорваны корни капитализма в деревне, преодолеваются пережитки, которые достались в наследство от буржуазно-помещичьего строя в виде великодержавного шовинизма и местного национализма.

Во всей социалистической стройке среди национальностей, в борьбе с классовым врагом активное участие принимает и женщина Востока.

Октябрьская революция ввела труженицу Востока в новый мир.

«Большевистская, советская революция подрезывает корни угнетения и неравенства женщин так глубоко, как не дерзала подрезать их ни одна партия и ни одна революция в мире. От неравенства женщин с мужчиной по закону у нас, в Советской России, не осталось

и следа»,—так писал Ленин в «Правде» от 8 марта за 1921 г.[1]

Если восточница до Октября не имела никаких прав и была рабыней в полном смысле этого слова, то революция дала ей все человеческие и гражданские права, все те права, которыми пользуется в Стране советов каждый трудящийся без различия пола и национальности.

Октябрьская революция создала полный переворот в отношениях к женщине со стороны общества, семьи. Октябрь раскрыл ей дорогу в жизнь. Недаром первыми словами, которые вошли в жизнь женщины Востока, были—революция, Ленин, коммунизм.

Восточницу подняла только Октябрьская революция, поднял победивший пролетариат, превративший тюрьму народов—царскую Россию в великий союз трудящихся всех национальностей.

До Октября в борьбе за освобождение всех угнетенных восточницы участвовали лишь единицами. Основная масса их, скованная законами предков, оставалась в стороне от борьбы. В гражданской войне участвовали тоже только одиночки.

В славной Чапаевской дивизии была сестра и боец т. Хамитова—башкирка, дочь уфимского чернорабочего. С фронта она вернулась с туберкулезом и, поработав пять-шесть лет в Башкирии и Крыму, умерла от этой «черной» болезни. Последние годы своей жизни т. Хамитова работала среди женщин Башкирии и Крыма. Все свои силы она отдала партии и своим сестрам по классу.

Не мало помощи оказали во время гражданской войны красным войскам смелые и отважные горянки Дагестана. Участники боев рассказывают, как горянки носили красным бойцам патроны, указывали им тайные дороги для обхода врага и предупреждали от коварных засад.

Много извилистых и трудных троп пришлось пройти восточнице, чтобы выйти за каменные стены ичкари, снять ярмо чадры, перешагнуть через запреты религии и адатов. Этот трудный путь усеян человеческими жертвами. Многие из тех, которые поняли, какие права получает женщина благодаря Октябрьской революции, и первыми принесли радостную весть о свободе своим сестрам, погибли от мести врагов революции. Жертв было немало. Но революция победила. Организовались и окрепли советы в национальных окраинах. Дело раскрепощения трудящихся женщин Востока взяли

[1] Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 99, изд. 1-е.

в свои руки во главе с ЦК ВКП(б) молодые коммунистические партии национальных районов, их советы—органы диктатуры пролетариата—и весь рабочий класс в целом. С знанием местного быта и экономики, с учетом всех местных особенностей, осторожно начали они проводить фактическое раскрепощение женщин Востока.

При партийных комитетах были созданы специальные отделы по работе среди женщин, выделены особые работники. Начался штурм старого быта.

Для того чтобы женщина Востока стала действительно равноправным гражданином пролетарского государства, к тому декрету, который был издан советской властью 18—19 декабря 1917 г. о равноправии женщин, понадобились еще особые добавления и огромная политическая и культурно-просветительная работа в массах.

По новым революционным законам каждая трудящаяся женщина Востока могла выбирать и быть выбранной в совет, вплоть до председателя ЦИК. Но между нею и этими новыми законами советской власти стояли законы прошлого—адаты и шариаты, имевшие многовековую давность, въевшиеся в мозг и «душу» людей. Они запрещали женщине пойти на избирательное собрание, участвовать вместе с мужчинами на заседаниях советов.

По декрету женщина была равноправным членом семьи как по отношению к своему отцу, брату, так и мужу. Но наряду с этим незыблемо существовали... брак малолетних, калым, право мужа на развод, произвол над женщиной.

От Октябрьской революции женщина получила право свободно участвовать в любой отрасли труда, право на образование, но затворничество не разрешало ей итти в советскую школу, общую с мужчиной, затворничество не давало ей возможности пойти на производство.

Нужно было разрушить преграды старого, дать женщине грамоту, освободить ее от пут и превратить ее в действительную силу революции. Штурм старого быта начался по двум направлениям. С одной стороны, большевистская агитация и пропаганда в женских массах, с другой—законодательные мероприятия.

Трудно было проводить в жизнь новые законы, добиваться фактического раскрепощения женщины. Первыми работниками женотделов были в большинстве русские работницы-коммунистки.

Многие из них не знали местного языка, труден им был доступ к восточнице. Пришлось начинать с женских восточных бань, с хождения в гости.

В воспоминаниях первых работников среди женщин о работе в Бухаре записано:

> «Началась работа там, где до последнего времени не хотели слушать выступления женщин даже на общих партийных собраниях, где работников женотдела, случалось, арестовывали на улице за разговор с мужчиной, где европейк', работающие в отделе, подвергались опасности быть отравленными или убитыми. Им приходилось самим одевать чадру, чтобы проникнуть в мусульманскую семью».

Так было в первые годы пролетарской революции в Бухаре—центре ислама.

Работники женотдела, закутанные в чадру или паранджу, с кульком гостинцев под рукой, заходили в ичкари как бы для того, чтобы вести простую женскую болтовню за чаем в дни семейных праздников или дни базаров, когда мужчины ушли и женщины чувствуют себя «немножечко» хозяевами.

Так пришли к восточнице первые вестники освобождения.

Этим путем распространялась «большевистская зараза».

Особенности условий работы среди восточниц потребовали от партии особых форм и методов работы, приспособленных к их быту и культурному уровню.

Изолированность женщины от общества выдвинула такие формы работы, как женский клуб, красный уголок, женские кочевые юрты, особые женские кооперативные лавки. Эти учреждения были закрыты для мужчин и открыты для женщин. Сюда женщина Востока приходила, закрытая паранджой или чадрой, дикая и робкая. Здесь она могла открыть лицо, не боясь глаз постороннего мужчины, не боясь осуждения, насмешек и клеветы.

Советские законы раскрепощения

Законы по борьбе с бытовыми преступлениями, раскрепощающие женщину, стали издаваться на местах в первые же годы существования республики, укрепления в них власти советов.

Наркомюст Башкирии в 1920 г., столкнувшись с формами умыкания девушек, издал циркуляр, запрещающий кражу девушек, калым и насильственную выдачу замуж. В 1923 г. к 8 марта в Башкирии был издан специальный декрет правительства о бытовых преступлениях и представлен на утверждение ВЦИК.

В том же году соответствующий декрет вышел в Киргизии. В 1922 г. он вышел в Азербайджане и в ряде других республик. Специальные добавления к законам имеются во всех

Студентки университета: 1) т. Бабушкина—бурятка-колхозница, член партии с 1925 г., 2) Чесанова—дагестанка, член партии с 1924 г. До поступления в университет работали среди женщин

национальных республиках и областях, как автономных, так и союзных.

После долгой проработки этих законов в массах на основе опыта, проведенного в течение ряда лет, был издан закон, действующий по всей территории РСФСР. В Кодекс законов РСФСР он вошел в виде особого добавления к X главе Уголовного кодекса под заголовком: «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта». Ввиду особенно важной роли этого закона в деле раскрепощения женщины остановимся на нем подробнее. Несколько статей этого закона специально посвящены борьбе с бытовыми пережитками, закрепощающими женщину.

Статья, преследующая обычай уплаты калыма за невесту:

> «Уплата выкупа за невесту (калым), произведенная женихом, его родителями, родичами или свойственниками невесты деньгами, скотом или другим имуществом, либо личным трудом, влечет лишение свободы или принудительное работы на срок до одного года. Принятие выкупа влечет те же меры со штрафом в размере выкупа».

Ст. 197. «Принуждение женщины ко вступлению в брак или в продолжению сожительства, а равно похищение ее для вступления в брак караются лишением свободы на срок до двух лет».

В примечании к этому читаем:

> «Совершенное при этом изнасилование той же женщины влечет за собой меры, предусмотренные ст. ст. 151 или 153 настоящего Уголовного кодекса».

Выдача женщины замуж против ее воли как путем обычного принуждения, так и через умыкание, нежелание дать жене развод и передача жены умершего брату его также наказуются. Об этом говорится в ст. 197.

Не допускается и брак малолетних. Об этом гласит ст. 198:

> «Вступление в брак с лицом, не достигшим брачного возраста карается лишением свободы до двух лет».

Считается преступлением и многоженство. В ст. 199 говорится:

> «Двоеженство или многоженство ведет за собой принудительные работы на срок до одного года или штраф до одной тысячи рублей».

Этот закон был утвержден на сессии ВЦИК, которая по тому же вопросу о бытовых преступлениях приняла ряд других статей, преследующих обычай кровной мести (ст. ст. 194, 195), баранту—самовольный угон скота в целях родовой мести (ст. 200), присвоение судебных полномочий по обычаям коренного населения—шариатские суды, разные проявления родовой вражды, принудительное взимание сборов на религиозно-бытовые цели и пр.

Сессия указала, что это закон должен иметь силу не только по национальным республикам и автономным областям РСФСР, но и среди нацменов всей территории РСФСР, там, где имеют место пережитки патриархально-родовых отношений. Это указание сессии является чрезвычайно важным, ибо оно устраняет неувязки, имевшие место например в Татарии и Башкирии, с одной стороны, и в Нижегородском и Средневолжском краях—с другой. По законодательству указанных республик калым считается преступлением и преследуется со всей строгостью революционных законов. В соседнем крае—Нижегородском или Средневолжском, где действовал Кодекс законов РСФСР, не было особых законов о калыме,—там калым не преследовался как преступление, поэтому татарин или башкир мог безнаказанно платить калым и жениться в соседней губернии.

Были случаи, когда даже в центре Советского союза—в Москве среди татар платили калым, а ассирийцы выдавали замуж малолетних.

Сессия ВЦИК в целях помощи и поддержки интересов женщин-националок внесла несколько добавлений и в другие кодексы законов. В частности предоставляется право любому гражданину помимо потерпевшей поднять дело в судебном порядке против виновного. Например если девушка украдена и боится об этом заявить, то заявление в суд может сделать даже посторонний человек, узнавший об этом случае. Это значительно облегчает борьбу с бытовыми преступлениями.

По постановлению сессии судебным органам высшей инстанции—губернским, областным, главным судам автономных республик—предоставляется право взять в свое ведение любое дело из народных судов. Это постановление имеет огромное значение в борьбе с бытовыми преступлениями. В прошлом были не редки случаи, когда районный или участковый судья, имея родственные связи, покрывал преступников, замазывая дело. В ведение высших судебных органов могли переходить только дела, имеющие особое общественно-политическое значение, вокруг которых необходимо было создать общественное мнение.

Сессия не ограничилась только принятием закона о наказуемости бытовых преступлений. Ею внесены и особые постановления об усилении культурно-бытовой работы в отсталых восточных районах, она высказалась за увеличение ассигнований на строительство культурно-бытовых учреждений, раскрепощающих трудящуюся женщину. Сессия в своем решении особо указала на то, чтобы карательным мерам предшествовала самая широкая разъяснительная работа в массах на родном языке. Особенно усиленно законы должны популяризироваться среди бедноты и проводиться в жизнь при непосредственной поддержке трудящихся.

В других союзных республиках—Узбекистане, Туркмении, Азербайджане—законы по бытовым преступлениям в основном совпадали с этим законодательством. В отдельных республиках эти законы применялись в зависимости от местных особенностей. Так по Туркмении особо оговаривался вопрос «кайтарма»[1] и «каршылык»[1] и других преступлений местного характера. Туркменские законы по бытовым преступлениям и по брачно-семейным отношениям содержали в себе статьи,

[1] Обычай обмениваться детьми для брака, если в семье имеются по две девочки или по два мальчика.

несколько затрудняющие свободу развода. Это было сделано для того, чтобы не злоупотреблять правом женщины на развод. Там нередко родители невесты, пользуясь правами женщины, принуждали ее к разводу, после чего вновь продавали ее другому жениху и опять получали калым—и так по нескольку раз.

Со времени издания новых законов прошло много лет. Восточница стала жить по-новому, старое осталось далеко позади. Законы, запрещающие калым, браки малолетних и т. д., вошли в быт. Уменьшается количество бытовых преступлений. Новые формы хозяйства создают новый быт. Колхозы, совхозы, новые фабрики и заводы, гигантские новостройки родят новых людей, переделывают старых.

То, что новую жизнь не повернешь на старый путь, не закуешь в ржавые цепи прошлого, не втиснешь в рамки законов шариата и адата, понимают и наши противники.

Мусульманское духовенство из лагеря так называемых «прогрессистов» тоже пытается дать новые законы, приспособленные к новым условиям. Центральное мусульманское духовное управление (ЦДУМ) в лице заведующего «женотделом» этого управления тоже разрабатывает новые законы и рассылает их для руководства своей пастве. В одном из своих посланий женщина-кадий (зав. «женотделом») выступает по своей прямой обязанности—кадия бракоразводного подотдела—и, «опираясь на свой долголетний опыт», преподает женщинам новые законы, реформируя строгие установления шариата. Трудящиеся Союза не нуждаются в подобных советах женщины-кадия, им не нужен ее долголетний опыт мракобесия. Трудящиеся всех национальностей Страны советов имеют 15-летний опыт революции, они научились распознавать своих врагов и беспощадно бить их, в какую бы шкуру они ни облекались, какие бы речи они ни произносили, к каким бы маневрам обмана они ни прибегали.

Но работа мусульманского духовенства проводится не всегда без успеха. На этом участке классовой борьбы духовенство борется за влияние на женские массы, чтобы, взяв их в свои руки, направить поднятую революцией активность женских масс против завоеваний революции. «Прогрессисты» опасны тем, что они прикрываются левыми фразами—они обещают женщине свободу и этим ловят на свою удочку даже активисток-беднячек, делегаток, членов совета из числа малограмотных и недостаточно сознательных.

Враг еще не сложил оружия, он борется из последних сил и в этой борьбе сплошь и рядом ставку делает на женщину и на молодежь.

Делегатки съезда советов с М. И. Калининым

Борьба с чадрой

За 15 лет партия провела колоссальную работу по борьбе с затворничеством женщины Востока. И на этом участке, руководствуясь принципами ленинской национальной политики, страна добилась огромных успехов.

Наибольшего подъема борьба с затворничеством достигла в Средней Азии и Азербайджане в 1927—1928 гг. В Средней Азии в связи с Международным женским днем 8 марта 1927 г. была объявлена кампания усиленного наступления на старый быт, на затворничество. Среди узбеков эта кампания получила название «худжум» (наступление). Худжум—одна из самых красочных, самых удивительных страниц в истории раскрепощения женщин Востока.

8 марта в 1927 и 1928 гг. на площадь вышли тысячные демонстрации женщин—узбечек и турчанок. В те дни на кострах жгли паранджи и чачваны. Облитые керосином, горели зловонные лохмотья старого быта. В те дни пылали сердца женщин, впервые смело взглянувших в лицо жизни, ликовали улицы, гремели радостно клубы, фабрики и заводы. Новая жизнь вступала в свои права.

В течение первой недели кампании количество женщин, снявших покрывало, насчитывалось тысячами. Снимали паранджи в городах, аулах—всюду.

Коммунисты приводили своих жен на собрания и тут же перед лицом многих сотен открывали лицо своих жен.

К концу 1927 г. и в первой половине 1928 г. борьба с затворничеством приобрела наиболее массовый характер.

В это время по Узбекистану и Азербайджану насчитывались тысячи женщин, снявших покрывало. В таких районах, как Бухара, Сурхан-Дарья и Кашка-Дарья (Узбекистан), наблюдалось поголовное сбрасывание паранджи женщинами.

Однако уже во второй половине 1928 г. в Средней Азии и в начале 1929 г. в Азербайджане массовое движение против затворничества пошло в известной мере на убыль.

Причиной этому послужило то, что на местах ослабили руководство борьбой с затворничеством, получилось нечто вроде «головокружения от успехов». Добившись невиданных до сих пор успехов, местные партийные организации и советы «почили на лаврах», а дело предоставили самотеку. Отрицательные результаты получились и из-за того, что кампания борьбы с затворничеством не подкреплялась практическими мероприятиями по раскрепощению женщин. Сбросившие чадру женщины были предоставлены самим себе, их не втянули в общественную работу, не сумели охватить производством, а главное—массовой воспитательной работой. Женские клубы, будучи застрельщиками борьбы с затворничеством, не сумели перестроить свою работу для постоянного и массового обслуживания всех женщин. Плохо были расставлены силы, нехватало людей.

Многие раскрывшиеся женщины, предоставленные самим себе, окруженные враждебной стихией и сопротивлением классовых врагов, не в силах были бороться, слабейшие из них снова надевали на себя ярмо затворничества.

Было радостно восточнице на митинге, когда, передаваемые сотнями нетерпеливых рук, черными воронами летели паранджи и чадры над толпой и падали в костер, чтобы сгореть там дотла. С площадей и улиц, опьяненные торжеством и победой, в гуле приветствий, под музыку расходились женщины по клубам, на митинги, концерты, торжественные заседания. Но, уходя с митингов и простясь с толпой своих подруг, женщина оставалась одна на улице, она чувствовала себя одинокой, окруженной врагами.

Враждебны были темные, узкие переулки, жутко было обойти угол и уж совсем страшно с открытым лицом пройти мимо толпы мужчин, стоящих на пути. Когда, благопо-

лучно миновав переулки, насмешки и наглые взгляды чужих, женщина приходила домой, ее большей частью встречали так же враждебно. На женской половине поднимался страшный переполох, и если даже муж-коммунист был на стороне своей жены, сбросившей чадру, то и это не всегда избавляло женщину от враждебного отношения семьи. Она не могла никуда скрыться от злословия свекрови, матери, тетки, жены брата. Открывшиеся женщины подвергались нападкам соседок, близких и далеких родственников, всех посторонних на улице. Открывшаяся женщина в глазах фанатика-восточника—«джеляб»—испорченная, погибшая женщина, предавшая веру своих отцов. В силу этого многие из женщин, сбросив перед лицом общественности свое покрывало, не смели свободно появляться на улице. Снятое покрывало обрекло их на безвыходное сидение в доме, и в конце концов отказ от внешних форм затворничества не всегда приводил к фактическому освобождению женщины-затворницы. Трудно было бороться в одиночку. Классовый враг не дремал. Пользуясь тем, что в известной степени ослабло внимание общественности к борьбе за раскрепощение женщины, он направил свой огонь на эту позицию и превратил ее в участок самой ожесточенной борьбы.

Свою деятельность кулак, басмач, мулла и прочие элементы, «обиженные» новыми порядками жизни, развили по двум направлениям. Кулак, борясь за сохранение своего влияния на женские массы, при помощи главного агента—муллы усилил свою работу среди женщин и постарался поднятую партией активность этих масс направить против советов, коллективизации, борьбы за хлопковую независимость, даже против яслей, детских садов и законов, раскрепощающих женщину. Враг, пользуясь темнотой и религиозным фанатизмом женских масс, не охваченных партийным влиянием, старался направить их против советской власти и против интересов самих женщин, хотел оставить женщину в плену религии и тем сохранить свой последний оплот в массах.

С другой стороны, классовый враг порочил отдельных наиболее устойчивых и авторитетных активисток. Про активисток распускались гнусные сплетни, подрывающие их авторитет. Их насиловали и избивали, обливали помоями, убивали. За какие-нибудь 5—6 месяцев 1928 г. по одному Узбекистану подверглось открытому преследованию не менее двухсот женщин. Классовый враг искусно пользовался промахами и ошибками местных партийных и советских организаций, попустительством отдельных разложившихся элементов из представителей судебных органов и местной власти.

В первые годы революции советский аппарат в национальных областях был в значительной мере засорен выходцами из чуждого нам класса, явными и тайными вредителями. Эти элементы, связанные с классовыми врагами пролетариата, всячески мешали делу раскрепощения женщин. Многочисленны факты, когда отдельные советские работники из бывших эмирских чиновников или переводчиков старались подорвать авторитет женщин-председателей советов, чиня всякие препятствия их работе, сознательно подстрекая их на незаконные действия. Те же вредительские элементы в судебных органах вели недостаточно интенсивную борьбу с убийствами активисток, очень часто квалифицируя эти убийства как бытовые: «по семейным обстоятельствам», «из ревности». Суды находили смягчающие обстоятельства по отношению к убийствам активисток. В связи с этим Верховный суд Союза и Президиум ЦИК СССР вынуждены были вынести специальное правительственное решение о необходимости бдительного отношения к классовому врагу и применения к последнему строжайших мер революционной законности.

В Узбекистане был издан особый закон о привлечении к ответственности лиц, оскорбивших женщину, снявшую паранджу. Этот закон оказался как нельзя более кстати. Опираясь на него, комсомольцы туземных городов Узбекистана организовывали добровольные дружины по охране женщин, снявших паранджу, брали под защиту общественности каждую восточницу, появлявшуюся на улице с открытым лицом.

В этот же период в Средней Азии была проведена особая кампания по проверке коммунистов с точки зрения осуществления ими в своем быту и работе директив партии по раскрепощению женщины. Немало чуждых и случайных, примазавшихся к партии было исключено из партии и предано суду за нарушение директив партии и законов раскрепощения женщин, а также за вредительство на этом участке работы. Партпроверка сопровождалась большой разъяснительной работой. Во всех ячейках ВКП(б) прорабатывались принципиальные установки партии в вопросах раскрепощения женщин и план практических мероприятий по этой линии на ближайший период. В связи с партпроверкой заметно укрепилась работа среди женщин, усилился рост партии за счет женщин—работниц и крестьянок, выдвинулись новые кадры работниц-коммунисток, вырос актив.

В азербайджанской партийной организации с самого начала «наступления» на чадру неправильно была взята установка на издание декрета, запрещающего носить чадру. В проведении кампании парторганизация в целом не участво-

Киргизка слушает объяснение врача консультации

вала, несмотря на то, что директивными органами были даны совершенно четкие указания, обязывающие всех коммунистов участвовать в кампании не только в порядке той или иной общественной работы, но и обязательно личным примером—снятие чадры коммунистками и женами коммунистов. Слабо были вовлечены в кампанию и рабочие, батрачество и беднота. Лозунги борьбы с затворничеством не были доведены до основной массы населения, и поэтому борьба с чадрой не стала действенным лозунгом для всей массы трудящихся. Не было проведено подготовительной массовой работы по охвату тюрчанок, снявших чадру, в смысле вовлечения их в промышленность, в сельскохозяйственное производство, в учебу. В таких условиях, нельзя было допускать издания декрета, запрещающего ношение чадры. Между тем в пылу усиленной борьбы с чадрой некоторые наркоматы Азербайджана поспешили издать нечто подобное декрету—обязательное постановление, запрещающее девушкам и женщинам учиться в чадре в советских школах, ходить в ликпункт, посещать даже женские клубы, ходить в кино и т. п.

Партпроверка выявляя недочетов в работе отдельных партоорганизаций и советов среди женщин, помогла их исправить. Партпроверка показала, что в кампании худжума некоторые партийные организации и советские органы допустили ряд

тактических промахов в борьбе с затворничеством. Вместо терпеливой, планомерной работы в массах, борьбы с затворничеством путем убеждения масс, организации бедноты и широкого женского актива для закрепления результатов кампаний 8 марта 1927 и 1928 гг.—вместо всего этого кое-где на местах применялись методы администрирования, принуждения, наскоков. Бывали случаи отбирания паранджи через милицию, путем угроз и даже недопущение женщин в чадре на перевыборы советов, в театр, в школы и т. д.

Такие методы борьбы с чадрой не только неправильны, но и политически вредны. Они идут вразрез с национальной политикой партии. Женский клуб, женская школа были организованы партией и советской властью для самых отсталых женщин Востока, для тех, которые носили чадру. Только таким путем поднятия их культурного уровня в политической активности можно привести их к отказу от чадры.

Восточницы, отказавшиеся от чадры, нуждаются в более повышенных формах работы. Они уже поднялись на более высокую ступень сознательности, им открыта широкая дорога в жизнь. Борьба с затворничеством проводилась и проводится на основе усиленного роста сети женских клубов, уголков, юрт, школ, делегатских собраний и всех других форм массовой работы партии среди женщин.

ЦК ВКП(б) своевременно выявил ошибки парторганизаций и, решительно осудив их, в своей специальной директиве о борьбе с чадрой, дал ряд практических указаний о дальнейшей работе. После указания ЦК ВКП(б) борьба с затворничеством приобрела более систематический, плановый характер. Центр тяжести работы был перенесен на практические мероприятия по вовлечению женщин в производство, в работу советов, в партию.

Затворничество не совсем уничтожено. Оно в некоторой части еще существует, тормозит вовлечение женщин в социалистическую стройку. Но в основной массе трудящихся женщин произошел перелом, они перешагнули рамки законов затворничества. Многие узбечки и тюрчанки работают на тракторах, овладели ткацким станком, начинают овладевать нефтеперегонными и другими сложными машинами. Лишь самые отсталые и самые забитые из них прячутся в тени стен ичкари. Сплошная коллективизация основных районов национальной деревни, быстрые темпы индустриализации, предъявляющие спрос на находящиеся под спудом женские рабочие руки, выведут к свободному труду самых последних из отсталых.

Пальто—горянке

Борьба с бытовыми пережитками в последние годы поднялась на высшую ступень. Стирая впрах законы затворничества и привлекая многие миллионы женщин Востока к участию в социалистической стройке, партия и советы практически помогают восточнице стать активным творцом новой жизни. Партия и советская власть стремятся смести с пути женщины все препятствия. На Северном Кавказе была проведена особая кампания—«пальто—горянке». Кампания проводилась в связи с перевыборами советов 1928/29 г. Продолжалась эта кампания два года.

По обычаям горских народностей Северного Кавказа горянка не носит верхней теплой одежды. Это чрезвычайно мешает участию ее в общественной работе, это не дает ей возможности участвовать в перевыборах советов, в производстве как промышленном, так и сельскохозяйственном.

Крайисполком выпустил специальное обращение ко всем трудящимся по вопросу борьбы за теплую одежду горянке. В обращении крайисполкома говорится:

> «Важнейшим практическим вопросом сейчас является борьба за теплую одежду горянке.
>
> Обычай, по которому женщина не имеет теплой одежды, мешает взрослым горянкам принимать участие в общественной жизни, а девочкам посещать школы. Кроме того этот обычай влечет за собой массовые заболевания горянок.
>
> Товарищи активные работники горских областей!
>
> Вы должны первые показать пример: оденьте в теплую одежду своих жен, дочерей и сестер. Убедите широкие массы трудящихся горцев начать решительную борьбу против этого старого кулацкого обычая. Зовите горянок смело порвать с этим обычаем. Пусть теплое пальто горянке будет первым решительным шагом в борьбе против старых предрассудков, шагом по пути действительного раскрепощения горянок».

Крайисполком и хозяйственные организации ассигновали специальные средства на проведение кампании.

Были приняты меры к льготному снабжению пальто горянок—работниц, батрачек, колхозниц и беднячек. Особое внимание было уделено снабжению школьниц. Пальто давалось через кооперацию с рассрочкой на год. Проводимая кампания, несмотря на ряд недостатков, весьма положительно

отразились на участии женщин в перевыборах советов, помогла сломить тот предрассудок, что женщине неприлично носить верхнюю одежду. В наиболее консервативной в отношении к женщине национальной области Северного Кавказа—в Адыгее участие женщин в перевыборах советов увеличилось с 18,2 до 40,9%, а число избранных в совет—с 10,9 до 24,3%.

На борьбе с антисанитарией в быту, за оздоровление трудящихся партия сосредоточила свое внимание.

В течение последних лет во многих национальных республиках проводились культурно-бытовые походы. Культурно-бытовые походы в некоторых республиках проводились как широкие массовые кампании. В дни походов сотни рабочих и работниц, коммунистов, комсомольцев и учащихся направлялись в деревни, колхозы и совхозы с врачами, юристами, походными слесарными мастерскими, театрально-хоровыми кружками, санитарной дружиной. Обходя аулы, культармейцы показывали, как держать в чистоте жилище, как пользоваться мылом, как воспитывать детей, сажать овощи, мыть посуду. Они помогали создать красный уголок, примитивные детские ясли и оказывали медицинскую помощь населению, до того никогда не видевшему врача или фельдшера. Культармейцы чинили сельскохозяйственные орудия, помогали колхозу в посеве или уборке, налаживали учет труда.

Особенно большие результаты дал культштурм в Калмыкии. Для проведения культштурма Нижневолжский крайисполком летом 1931 г. послал в Калмыкию 4,5 тыс. культармейцев на четыре месяца. Культармейцы бились за всеобуч, за сплошную грамотность населения, за чистоту жилищ, оздоровление населения, боролись с сифилисом и трахомой. Штурмовали отсталость в сельском хозяйстве, укрепляли старые и организовывали новые колхозы и совхозы, вели наступление на отсталые формы животноводства, создавали кормовые базы.

В организации культштурма и проведении его приняли самое активное участие рабочие Сталинграда и Астрахани. Через культштурмы передовой пролетариат Страны советов помогал националам ликвидировать их отсталость.

В ряде республик и национальных областей проводилось соцсоревнование на лучшее проведение в жизнь законов, раскрепощающих женщину. Соцсоревнование велось между Туркменией и Узбекистаном, между Бурято-Монголией и Ойратией. Соцсоревнование значительно оживило работу по вовлечению женщин в производство и культурно-массовую работу.

Великая переделка людей

Героини социалистической стройки

Национальные республики и области за 15 лет Октября добились громаднейших успехов в деле экономического и культурного подъема. Особенно увеличились эти успехи за последние годы в период выполнения плана первой пятилетки социалистического строительства.

За это время бывшие царские колонии с самыми отсталыми формами хозяйства превращаются в крупнейшие индустриальные центры, заброшенные бесплодные пустыни волею трудящихся, во исполнение генеральной линии партии,— в плодородные поля крупного социалистического земледелия.

В Казакстане, Башкирии, Туркмении и Узбекистане, в Грузии, Армении и Азербайджане идет величайшая, напряженная борьба с национальной отсталостью как в экономике и культуре, так и в сознании людей.

Идет великая переделка людей. Вчерашние забитые, темные и отсталые крестьяне, кочевники, чарвадары—пастухи сегодня становятся лучшими ударниками заводов, фабрик и колхозных полей. С величайшим энтузиазмом, в жесточайшей классовой борьбе, преодолевая сопротивление гибнущих классов, борясь с отрыжками великорусского шовинизма и местного национализма, преодолевая на своем пути большие трудности, они строят социалистическое государство. Они борются вместе со всем пролетариатом СССР за экономическую независимость СССР, за построение социализма в Стране советов. Они своими собственными руками создают гиганты тяжелой индустрии, добывают уголь, металлы, нефть, на колхозных полях борются за советский хлопок—за хлопковую независимость Союза, строят совхозы-гиганты—фабрики зерна, мяса—и т. д., строят новую культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию. Народности прежде без единого грамотного человека становятся сплошь грамотными, создается национальное пролетарское искусство, растут кадры.

В ЗСФСР до советизации мощность всех силовых станций равнялась 60 тыс. *квт*, к концу 1931 г. она увеличилась в два с лишним раза. В 1932 г. вступает в работу еще несколько тысяч киловатт. До революции в Закавказьи на полях не было ни одного трактора, сейчас работает 49 машинно-тракторных станций.

Высокими темпами идет промышленный рост Среднеазиатских республик, в частности Узбекистана. Средний ежегодный прирост валовой продукции промышленности за три года пятилетки составляет от 22 до 24%, средний рост промышленности, производящей средства производства, от 40 до 42%. План добычи нефти за эти три года перевыполнен—добыто нефти вместо 65 700 *т* по плану 95 294 *т* (что составляет 144,9%).

Огромных успехов добились национальные республики в коллективизации сельского хозяйства. Весной 1932 г. колхозами охвачено по Украине 67%, в Узбекистане—68,7, в Туркмении—56 и в ЗСФСР—39,6% бедняцко-середняцких хозяйств.

Рост культуры ярко показывает следующее: по всем национальным республикам и областям Союза за 1931 г. обучено столько неграмотных, сколько было обучено за 10 лет до этого. За эти 15 лет получили письменность 30 народностей, не имевших письменности до революции. На родной язык перешли в обучении 93,3% учащихся украинцев, 98,1 грузин, 96,9 узбеков, 95,5 тюрок, 95,7% татар.

Все эти достижения рабочего класса в социалистическом строительстве культурной революции привели к серьезнейшим сдвигам в быту. Изменились классовые отношения в городе и в национальной деревне.

Выросли темпы борьбы за фактическое раскрепощение женщин Востока, созданы все условия для скорейшей и полной ликвидации неравенства и приниженного рабочего положения женщины-восточницы.

Тов. Ленин подчеркивал:

> «Женское рабочее движение главной своей задачей ставит борьбу за экономическое и социальное равенство женщин, а не только формальное. Втянуть женщину в общественно-производительный труд, вырвать ее из «домашнего» рабства, освободить ее от подчинения, отупляющего и принижающего, вечной и исключительной обстановки кухни, детской—вот главная задача».

В условиях национальных (особенно ранее отсталых восточных) районов нашего Союза главная задача коммунистической партии в раскрепощении женщин заключается в том,

Первая тюрчанка вагоновожатый т. Рамзанова Регия

чтобы, окончательно разрушив гнет пережитков патриархально-родовых отношений, гнет религии, законов адата и шариата, вовлечь женщину Востока в промышленность, в сельскохозяйственное производство и во все участки социалистического строительства. Без поголовного вовлечения женщины-националки в общественно-полезный труд нельзя завершить задачу построения социализма в СССР. Надо исходить из следующей директивы XVII партконференции:

«Основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплоатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового, социалистического общества».

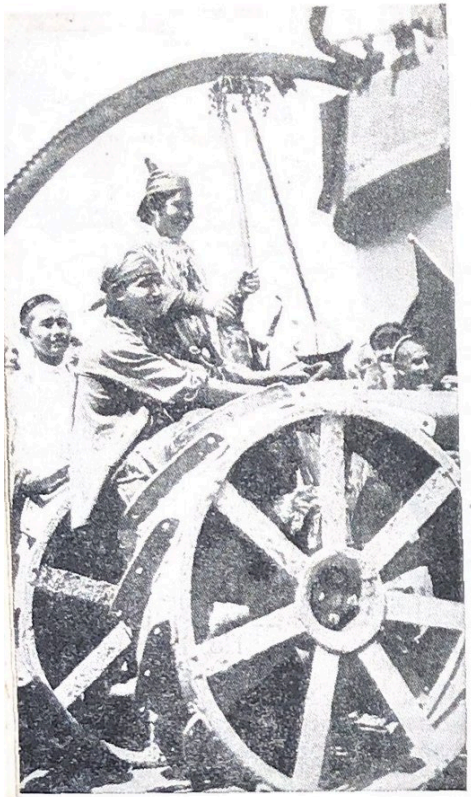
Судить об успехах раскрепощения женщины мы должны по количеству вовлеченных восточниц на фабрики и заводы, в колхозное и совхозное производство, в школы, техникумы и вузы, в советский аппарат—в управление страной.

Победы нашего «женского рабочего движения» исключительно велики. Они в огромной степени выросли в связи с проведением в жизнь плана великих работ первой пятилетки. В то время как в зарубежных капиталистических странах, странах кризиса, безработицы и нищеты, ведется усиленная кампания за то, чтобы совсем изгнать из производства замужнюю женщину,—в нашей стране нет женской и всякой другой безработицы. Страна советов проводит напряженную плановую работу по вербовке женской рабочей силы на производство, по подготовке ее на высококвалифицированные профессии.

За первую пятилетку по всему Союзу мы вовлекли в производство и в управление более 3 млн. женщин. Если на 1 октября 1928 г. по всему Союзу было 2 394 тыс. работающих женщин, то в настоящее время имеется уже около 6 млн. работающих женщин. За один только 1932 г. в производство будет вовлечено 1,5 млн. женщин. По данным ВЦСПС, участие работниц в соцсоревновании составляет 55% к общему количеству работниц (а мужчин—54%), причем по хлопчатобумажной промышленности в соцсоревновании принимают участие 74% женщин-работниц.

Таковы общесоюзные показатели наших достижений. Еще более разительны наши достижения в восточных национальных областях и республиках. Не так давно в среде великодержавников раздавались голоса о том, что восточница-затворница не способна к промышленному труду, что она умственно отстала, физически слаба и не сумеет овладеть процессом производства, будет беспомощна перед машиной.

Работа партии среди женщин, большевистское проведение генеральной линии нашей партии, ее ленинской национальной политики, индустриализации национальных окраин—блестяще опровергли контрреволюционную установку великодержавников. Восточница от самого отсталого, некультурного состояния добралась до высот науки. В аспирантуре Академии наук, музея Революции, Института востоковедения, Красной профессуры и Института народов севера обучаются около 25 националок, среди них 2 казачки, 1 калмычка, 3 бурятки и т. д. Кто они до вуза? Тов. Бабушкина—бурятка. Кто они до вуза? Тов. Бабушкина—бурятка-колхозница, колхозница, с 1925 года член партии и тов. Чесанова—дагестанка, член партии с 1924 г. До поступления в университет (КУТВ) т. Чесанова работала срежи женщин.



Председательница колхоза «Намуна» (Ташкентский район) на празднестве «дня Урожая»

В «Правде Востока» в день 8 марта был помещен портрет узбечки т. Мухамедиевой (вчерашней затворницы), обучающейся на подготовительных курсах в красную профессуру. Тов. Айна Салтанова, тюрчанка, учится на основном отделении Института философии красной профессуры в Москве, до этого она была замнаркомпроса Азербайджана. Кроме нее в ИКП обучается еще более 10 восточниц—татарок, буряток, армянок.

Вот телеграмма из Тифлиса:

«ПЕРВЫЙ ПРОФЕССОР-ТЮРЧАНКА. КО ДНЮ ПРАЗДНОВАНИЯ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ЗАКАВКАЗСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ИНСТИТУТ ПРИУРОЧИЛ ВЫДВИЖЕНИЕ НА ДОЛЖНОСТЬ ПРОФЕССОРА ПО КАФЕДРЕ ГЛАЗНЫХ БОЛЕЗНЕЙ ТЮРЧАНКИ ДОЦЕНТА РАЙГИМОВОЙ, НАПИСАВШЕЙ ВО ВРЕМЯ СВОЕЙ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 9 НАУЧНЫХ РАБОТ.

В Туркмении и Узбекистане уже вторые выборы работают в качестве заместителей председателя ЦИК туркменка и узбечка. В составе ЦИК Туркмении—11 женщин-туркменок, в составе ЦИК СССР—18 женщин-восточниц.

Восточницы широко втянуты во все звенья управления страной. По Союзу советов имеется до десяти наркомовосточниц в союзных и автономных республиках. Последние перевыборы дали такой состав женщин в ЦИК союзных и автономных республик.

В то время как в ЦИК СССР женщин всего 15,7%, в ЦИК Туркмении—20,2%, Узбекистана—15,8, Азербайджана—16,2, Абхазии—20,5, Крыма—19, Казакстана—18,3, Бурято-Монголии—21,8, Башкирии—21,7% женщин и т. д.

В Закавказьи тюрчанка-пилот т. Гусейнова Захра, премированная ударница, член Бакинского совета. На нефтеперегонном заводе Баку работает тюрчанка-инженер.

Новые кадры заводам и фабрикам

Сплошной волной вливаются националки в ряды промышленного пролетариата. Совсем по-новому приходит теперь на фабрику восточница.

Прежде, чтобы вовлечь узбечку на фабрику, нужно было ее долго уговаривать. Женотделки ходили по дворам и убеждали каждую женщину в отдельности. Восточницы не шли на биржу труда,—пришлось издать особый закон, разрешающий принимать восточницу на работу помимо биржи. Это было сделано в те времена, когда у нас еще была безработица, и преимущество было сделано специально только для восточницы, чтобы привлечь ее на фабрику. И все-таки было очень трудно втянуть восточницу на фабрику. Муж бил жену и не пускал ее из дому, а если и соглашался под давлением нужды или уговоров, то сам провожал ее на фабрику, ожидал при выходе и провожал обратно домой. На фабрике восточницы боялись снять покрывало.

С трудом организовывали первую женскую фабрику в клубе Али-Байрамова в Баку, куда впервые пошли тюрчанки. Сначала они боялись сидеть даже на стульях [1], голова кружилась от непривычки, но через два-три дня страх остался позади. Теперь на этой фабрике 1 500 женщин-работниц, из них 900 тюрчанок; фабрика работает в три смены, и тюрчанки—мастера, инструкторы, работницы не боятся ходить и в ночную

1 В обиходе тюрков нет европейской мебели, они сидят на полу или на низких диванах.

Узбечки за просмотром грены, зараженной тебриной. Гренажный завод в Фергане, сентябрь 1930 г.

смену. Они забыли, когда надевали чадру. Они организовали ячейку безбожников; первыми ходят по домам в качестве культармейцев обучать тех тюрчанок, которые еще не сняли чадры.

Работницы фабрики Али-Байрамова—самый передовой отряд работниц-тюрчанок. Клуб Али-Байрамова вынес свою работу далеко за свои стены, в районы, в село, в колхоз. Клуб Али-Байрамова—это опытно-показательное учреждение республиканского значения, соединяющее в себе культмассовую политическую работу с производством. Клуб руководит работой районных женских клубов всего Азербайджана.

В районных клубах, как в деревне, так и по городам, клуб Али-Байрамова организует отделы, через которые затем вербует работниц в промышленность.

Теперь по-новому идет вербовка восточниц на производство.

В среде их все больше растет тяготение к промышленному труду.

Съезд горянок Северного Кавказа совершал экскурсии по фабрикам и заводам Ростова. Кабардинка Фатима Зарашстова, впервые увидевшая предприятия, была очень поражена и, вдохновившись всем увиденным, едва умея писать, написала стихи (на своем родном языке):

У нас дома на очагах
пеутся лепешки,
А здесь в огромных печах
жарится железо.
И так приятен его запах,
что если бы мать меня могла родить еще раз,
я желала бы родиться работницей завода.

Вот некоторые общие цифры по вовлечению женщин национальных районов в производство и в народное хозяйство вообще:

По ЗСФСР в 1931 г. по плану должно быть вовлечено в народное хозяйство 43 тыс. женщин, план значительно перевыполнен. К настоящему времени в народное хозяйство вовлечено уже 55 тыс. женщин, из них 22 894—в производство.

Количество тюрчанок увеличилось с 2 535 до 4 955—почти вдвое.

Работницы Азербайджана закрепились не только в так называемых «женских» отраслях промышленности. В Азнефти работает 7 тыс., причем 4 тыс. женщин занято непосредственно на производстве в буровых, на нефтеперегонном и т. п. На судоремонтном заводе им. Парижской коммуны—400 работниц, из них 41 тюрчанка, а год назад было всего 126 работниц и из них 4 тюрчанки. Работницы Азербайджана с энтузиазмом борются в рядах лучших работниц за выполнение директив партии, за шесть условий т. Сталина. На ряде предприятий имеются десятки женских образцовых хозрасчетных бригад, тысячи ударниц показывают образцы трудовой дисциплины, лучшего отношения к делу. Лозунг т. Сталина об овладении техникой встретил горячий отклик среди работниц Баку—800 женщин обучаются в 10 нефтяных рабфаках, школами охвачено 750 женщин, 358 женщин обучаются в Нефтяном институте. На всех предприятиях работницы обучаются без отрыва от станка.

Азнефть обязалась в 1932 г. обучить 2 180 работниц, из них 1 064 тюрчанки, по всем отраслям производства и дать им работу по специальности.

К концу 1933 г. количество женщин-работниц на предприятиях Азнефти должно возрасти до 17 тыс.

По всему Закавказью по плану 1932 г. намечается вовлечь в народное хозяйство новых 55 700 женщин, из них в промышленность—22 тыс. женщин, или 55% всего числа новых работниц. Кроме того предполагается по линии промкооперации кооперировать новых 6 200 женщин.

Промышленность Средней Азии имеет большие сдвиги в

Комсомольская ударная бригада в прядильном цехе Текстильная ф-ка им. Дзержинского в Фергане

выращивании кадров женского пролетариата. В 1930 г. из 32 035 рабочих женщины составляли 27,9%, в 1931 г. из 51 437 рабочих—32,1%. Это теперь, а в 1926 г. работницы в той же промышленности составляли всего 7,6% к общему числу рабочих. За четыре года количество работниц по шелкомоталкам Средней Азии возросло с 1 604 до 4 490. Среди работающих—37% женщин коренного населения.

Ведется плановая подготовка квалифицированной женской рабочей силы по Узбекистану. На 1932 г. учебной сетью предполагается охватить 2 785 женщин, или 19,24% общего состава учащихся. Процент девушек, обучающихся по линии промышленности союзного значения, на 1 января 1931 г. составлял 23,1, а на 1 января 1932 г.—26,3, что дает очень значительный рост.

Но восточницы не только входят в производство и овладевают машинной техникой, далеко отбросив запрет религии и обычаев,—они выдвигаются в ряды ударниц социалистической стройки.

Ударница-тюрчанка с фабрики им. Ленина Аджар Мирзоева была послана в заграничную командировку. Тов. Аджар—сшивальщица на Ленинской текстильной фабрике в

Баку. На производстве она работает давно, пришла первой. В своем цехе Мирзоева первая перевыполнила норму. За ней потянулись все, и теперь каждая сшивальщица ежедневно дает в упаковочный цех 330 кусков. Тов. Аджар с большим увлечением отдается общественной работе,—она член Закавказского ЦИК и член Бакинского совета. Тов. Мирзоева учится, поднимает свою грамотность. Как самую лучшую из лучших работниц фабрика им. Ленина послала ее в заграничную командировку.

Сейчас на Востоке проводятся слеты работниц-ударниц. Недавно прошел слет ударниц в Маргелане (Узбекистан). Всего присутствовало 120 ударниц, из них 100—коренной национальности. Во время слета провели громадную работу по вербовке женщин на Маргеланскую шелкомотальную фабрику. За несколько дней завербовали 670 вновь принятых работниц. Все они сбросили паранджу. 150 работниц вступили в партию. Премировали 13 лучших ударниц курортами и 3—заграничными командировками. Бухарская фабрика получила переходное знамя за выполнение решения Средазбюро о выдвижении женщин в производство на 90%, из них 75%—коренной национальности.

Лозунг т. Сталина внедряется и в женские массы Востока. Восточницы взялись за технику, они готовятся в командиры промышленности.

Джафарова—тюрчанка, инженер-электромеханик, выдвиженка, выбрана членом горсовета в Баку.

Дайдук Ата Муратова—туркменка, одна из лучших ударниц-комсомолок Ашхабадской шелкомотальной фабрики. Работает на производстве с 1929 г.; была запарщицей, теперь выдвинута инструктором. Тов. Дайдук—член Совета национальностей ЦИК СССР.

Полтаева—туркменка, бывший председатель Коврового кустпромсоюза в Туркмении, учится в Текстильном институте в Москве.

Каримова Фирузе—тюрчанка учится в Промакадемии (Баку), готовится в красные командиры нефтяного хозяйства.

Большую практическую помощь оказывают восточнице в овладении техникой и ударными темпами русские работницы. По Дагестану в консервной промышленности русские работницы втягивают в свои ударные бригады вновь пришедших на производство горянок, помогают им овладеть производством, повысить производительность труда, ведут их за собой. В Махач-Кала на консервной фабрике работницы организовали две интернациональные хозрасчетные бригады. Это говорит о том, что идеи интернационализма, идеи

ленинской национальной политики партии глубоко проникли в рабочий класс и дают прекрасные результаты.

Говоря об этих огромных достижениях, нельзя скрывать и тех недочетов, которые еще имеются на этом участке работы. Прежде всего самый большой недостаток заключается в том, что количество националок в составе рабочих все еще недостаточно.

Те же цифры по Азербайджану и Узбекистану могут служить живейшей иллюстрацией к этому.

По директиве партийных организаций в шелкомотальную промышленность Средней Азии должно быть вовлечено 80% женщин и из них 75%—коренного населения. Вместо этого женщин в этой отрасли промышленности всего 60% и из них 37%—коренной национальности.

По Закавказью также, несмотря на перевыполнение плана вербовки женщин-работниц на производство, задание партии в части вовлечения националок не выполнено.

Не добились еще решительного перелома и в вовлечении женщин-националок в тяжелую индустрию. В вербовке женской рабсилы кое-где все еще продолжает здравствовать оппортунистическая ставка на самотек, не выполняется одно из шести условий т. Сталина по этому вопросу, забывается необходимость особого подхода к вербовке женщин-националок в производство.

Слаба, беспланова еще в основном работа по обучению националок на специальных курсах, в школах и техникумах, подготовляющих квалифицированную рабсилу. По тому же Закавказью совершенно недостаточна прослойка девушек в ФЗУ—только 24% по отношению ко всему количеству обучающихся. На краткосрочных курсах по системе ЦИТ—7%.

Между тем наша бурно растущая промышленность предъявляет все более повышенные требования не только на количество, но и на качество рабочей силы. По Закавказью один только 1932 г. потребует огромного количества новых женских рабочих рук во все отрасли народного хозяйства. План Закавказского Наркомтруда предусматривает внедрение в производство новых 55 700 женщин, что составит 4,1% общего роста числа рабочих. В промышленность необходимо вовлечь 22 тыс. женщин, или 55,4% всего числа вовлекаемых рабочих, по строительству—13 тыс., или 21,2%, на железнодорожный транспорт—1 500, или 42%, в местный транспорт—3 600, или 30,5%, в нарсвязь—800, или 66,7%, в органы госторговли и кооперации—5 200, или 75,4%, в учреждения общественного питания—3 100, или 83,8%, и т. д.

Ясли передвижки

Особенного внимания требуют вопросы бытового обслуживания женщин. В этом отношении существующее положение далеко не удовлетворяет. В Закавказьи в 1929/30 г. различных групп детских яслей, детских садов, примитивов было 41, в 1931 г.—2 430 групп с охватом 62 тыс. детей. Сейчас по Азербайджану и по Армении столовыми, буфетами охвачено 182 тыс. человек. Растет количество прачечных и т. д.

Однако коренного перелома в этом вопросе до сих пор мы еще не добились.

Необходимо вести беспощадную борьбу с фактами формально-бюрократического отношения к интересам работниц и игнорирования их нужд.

Через преодоление трудностей — к полной победе социализма

Но отдельные трудности не останавливают работниц-националок, их энтузиазм и творческую энергию. Год за годом растет связь работниц с колхозной деревней, растет ведущая роль пролетарок-националок. Работницы первые осоз-

нали необходимость широкого вовлечения крестьянок-колхозниц в сельскохозяйственное производство, оказывают им помощь.

Огромное значение для победы социализма в СССР играет борьба за хлопковую независимость СССР. На коллективизированных и единоличных хлопковых полях Союза идет титаническая борьба за советский хлопок, за выполнение директивы XVII партконференции об утроении нормы потребления трудящихся нашей страны.

Работницы и жены рабочих Баку в самое горячее время хлопкоуборочной работы оказали большую помощь колхозам и совхозам. Предприятия отправили специальные бригады социалистической взаимопомощи в 25 районов республики. Жены рабочих—тюрчанки, выходя на хлопок, потянули за собой колхозниц-тюрчанок, сидящих по домам под запретом затворничества. Фабрика им. Ленина открыла деткомбинат в Али-байрамовском районе, этому примеру последовали очень многие предприятия города в порядке соцсоревнования.

Работницы принесли на поля опыт борьбы за шесть условий т. Сталина на предприятии. По инициативе работниц между ними и колхозниками заключены договоры по выполнению шести условий т. Сталина—ликвидации обезлички и уравниловки, проведению хозрасчета и др. В договоры работниц и колхозниц включались пункты-самообязательства по выполнению промфинплана, плана посевной, уборочной, повышению урожайности. Делегатские собрания руководили этой смычкой работниц с колхозниками и шли впереди.

8 марта Бакшефсовет премировал ударниц шефского актива, проявивших подлинный энтузиазм в борьбе за хлопок, за развертывание сети культурно-бытовых учреждений в колхозах, за организационно-хозяйственное укрепление колхозов. Вот их имена.

Ударница прядильного цеха фабрики им. Ленина Алекперова Захра, имеет 32 года производственного стажа. Она уже старуха, но работает не покладая рук для укрепления пролетарской смычки города с деревней, для усиления сырьевой базы текстильной промышленности. Тов. Алекперова, будучи в подшефном Али-байрамовском районе, организовала при совхозе «Каджалы» и колхозе «Чолбеджалы» объединенный деткомбинат, вовлекла в ликпункт 30 колхозниц-тюрчанок, причем сама во время своего пребывания в колхозе обучала их грамоте, организовала колхозный буксир на помощь совхозу «Каджалы» во время хлопко-уборочной, организовала субботник на Шаумяновском канале и т. д. и т. д.

Не отстает и ударница размотального цеха фабрики им. Ленина т. Валитова Хадиджа. По ее инициативе посланы на весеннюю посевную кампанию четыре ремонтные бригады, одна агитбригада. Она завербовала 300 работниц и рабочих-отпусников на помощь совхозу «Кара-Чала». Являясь ответственным секретарем шефбазы фабрики им. Ленина, т. Валитова за короткий срок завербовала в члены шефобщества 900 рабочих и работниц и организовала 16 цеховых шефских ячеек.

Такие же победы на фронте пролетарской смычки города с деревней достигнуты и другими ударницами заводов, промыслов, железнодорожных мастерских и других предприятий Баку.

Подручный токаря механической мастерской цеха бурения Сталинского района т. Вартанова Сусанна в декаду коллективизации и урожая организовала в подшефном районе новый животноводческий колхоз, детские ясли, заключила социалистический договор с делегатским собранием колхозов.

Туркмения показывает блестящие примеры того, как можно привлечь женщин-работниц на хлопковые поля. Интересен опыт женщин Фарабского района. Под руководством ударницы Ниязь-Гуль Рузыбаевой они взялись за плуг и усиленно провели пахоту и сев.

Это был первый в истории Туркмении и всей Средней Азии массовый выход женщин на колхозные поля. Пример их оказался заразительным: в работах весенней посевной 1931 г. по Туркмении приняли активное участие 15 тыс. женщин. В окучке хлопка по республике принимали участие 27 тыс. женщин, в уборке хлопка—72 тыс. По Узбекистану в посевную кампанию 1931 г., по неполным данным, было организовано в 7 тыс. женских бригад 120 тыс. женщин.

Во вторую большевистскую весну в этом районе 95% полевых работ, связанных с пахотой и севом, выполнили женщины. Мужчины были заняты на хошарных[1] работах, а женщины организовали пахоту в три смены, работали днем и ночью и одними из первых засеяли 12 тыс. *га*. Они получили переходное знамя ЦК ВКП(б) Туркмении и 20 тыс. руб. премии.

ЦИК Туркмении ССР наградил орденом Трудового красного знамени Ниязь-Гуль Рузыбаеву—первую из женщин, вставшую за плуг.

Два дня, напрягая все свои силы, Ниязь-Гуль острым плугом поднимала пласты земли. И когда она закончила первую

[1] Общественная работа по очистке оросительной сети.

вспашку отведенного ей участка, она перешла на другой. На этот раз вместе с Ниязь-Гуль работала другая колхозница-комсомолка колхоза им. Айтакова. В эти дни на полях колхоза кроме двух колхозниц не было никого. Остальные женщины колхоза с укором смотрели на Ниязь-Гуль и ее приятельницу-комсомолку. Но ни Ниязь-Гуль, ни комсомолку это нисколько не смущало. Они ясно представляли себе, что не так-то легко сломить вековые традиции...

Требовалась большая помощь районных организаций, которые бросили призыв к колхозницам выйти на поля. Вместе с работниками райкома партии Ниязь-Гуль и ее приятельница-комсомолка обходили отдельные участки, обходили дворы колхозниц, проводили индивидуальные беседы.

Перелом был создан. И вместе с Ниязь-Гуль на поля колхоза, сперва робко, потом все смелее, начали выходить одна за другой женщины.

Первая победа фарабских женщин была одержана в колхозе им. Айтакова. Увлеченные победой в этом колхозе, колхозницы решили помочь стать на этот путь и женщинам других колхозов.

Во главе ударной буксирной бригады, которая отправилась в крупнейший колхоз им. Калинина, стояла все та же Ниязь-Гуль.

Колхозница Рузы Давлят—одна из первых женщин, которая вместе с Ниязь-Гуль вышла на пахоту. Она быстро научилась обращаться с европейским инвентарем, под руководством агротехника детально и тщательно изучила машину и, изучив ее, выразила страстное желание учить других.

Бригадиром другой бригады состояла лучшая ударница т. Гунджи-Амин. Она со своей бригадой раньше всех окончила пахоту, а т. Эмбир Вона, состоявшая в этой бригаде, член аульного совета, активно работала по организации женского труда.

Агроном участка охотно согласился на предложение Рузы Давлят сделать ее инструктором-механиком. Рузы Давлят снабдили необходимым инструментом, выдали смазочные материалы, некоторые легкие запасные части, болты, гайки, ключи. Для удобства передвижения в распоряжение Рузы Давлят был выделен ишак. С тех пор неутомимая Рузы Давлят не только сама вела полевые работы, но и объезжала поля, регулировала работу плугов и сеялок, на ходу исправляла инвентарь, учила женщин работать.

Алтын Ачилева из колхоза «Кзыл-Куч». Она—прекрасный организатор. По ее инициативе в этом колхозе было создано несколько ударных бригад, и по ее инициативе кол-

хоз «Кзыл-Куч» вступил в соревнование по пахоте, севу и окучке с колхозом «Социализм-Юлы». Сейчас Алтын Ачилева выдвинута на работу в качестве зампредседателя правления колхоза «Кзыл-Куч». Вслед за ней десятки других активисток-колхозниц—ударниц хлопковых полей выдвинуты на ответственную работу в Фарабском районе.

Ниязь-Гуль—первая туркменка—председатель Фарабского районного исполкома.

Джимагуль Худайкулева—председатель Хандакского аулсовета.

Турхам Нарбаева—зампредседателя колхоза «Социализм—Юлы».

Розыджан Таджи-Кизы—зампредседателя колхоза им. Ленина.

Четыре ударницы-активистки выделены руководителями красных уголков. В дни сева и окучки на полях Фарабского района были организованы 210 ударных женских бригад [1].

Восточницы не только вышли на поля, но они пошли впереди мужчин. Во время самой горячей работы по обработке хлопка из Чарджуя была получена такая телеграмма:

«Участие женщины на работах, как это было в Фарабском районе, буквально спасает положение на всех участках. Единственный недостаток—большие бригады—по 30—40 женщин. Зато их работа тщательная и внимательная».

Туркменка-колхозница т. Таджи-Гуль Шемурадова в колхозе «Кзыл-Гюч» была организатором женских бригад в колхозе и организовала детские ясли.

Женщины берут на буксир мужские бригады. В колхозе «Красный Октябрь» Кокандского района узбекская женская бригада в 10 человек, выполнившая 1,5 га окучки, взяла на буксир мужскую бригаду, которая будучи тоже в количестве 10 человек, выполнила только 1 га окучки.

В колхозе им. Сталина Джелал-абатского района Киргизии женская бригада в числе 10 человек за день вспахала 10—12 танапов [2], в то время как мужчины—все 7—8 танапов.

Фатхинур Зиазугдинова—работница совхоза «Джун», член профсоюза, на полях мелкокоробочного хлопка с урожайностью в 250—500 кг с гектара собирает от 46 до 54 кг в день.

Колхозницы Андижанского района Иргашева, Бердыева, Халибекова и Хайдарова собирают в день 95 кг хлопка при норме в 40, Артык Биби Шуминова—100, Алиева—113 кг;

[1] Из газеты «Правда Востока».

[2] Танап — местная мера земли от 1/8 до 1/2 га в разных танапах.

Председатель колхоза им. Сталина записывает колхозницам в их трудкнижки сведения о проделанной работе

намангайские колхозницы: Байматова—127, Мансурова—136 *кг*, а Биби Байбова ставит всесоюзный рекорд ручного сбора хлопка—170 *кг*!

Огромный сдвиг имеется в вовлечении женского труда в совхозное строительство. По одному только Узбекистану в совхозах имеется 24 511 женщин, что составляет 50% к числу рабочих.

Первые вести с посевной 1932 г. показывают, что опыт прошлого года не забыт, и в этом году женщина-туркменка выходит на поля.

В Карабекаульском районе на пахоте и вывозке удобрений работает уже больше тысячи женщин. В колхозах им. Сталина и им. Ленина все мужчины до одного заняты на постройке Карабекаульского канала. На пахоте и всех других сельскохозяйственных работах в этих колхозах работают исключительно женщины. В Дейнаусском районе все мужчины на хощарных работах, но пахота идет усиленно, и планы выполняются досрочно—на пахоту вышли и женщины.

В Чарджуйском районе участие женщины решает успех борьбы за большевистскую весну [1].

[1] Газета «Правда Востока» от 14 марта 1932 г.

В Чарджуйском районе 110 женщин—бригадиров-хлопководов. В Фарабе кончают курсы трактористов 60 женщин. В Карабекауле 900 женщин прошли курсы агропохода.

Несмотря на эти огромные достижения, игнорирование интересов колхозниц не изжито. Из 72 тыс. женщин, работавших в 1931 г. по хлопкоуборочной в Туркмении, только 30 тыс. с небольшим получили трудовые книжки и стали равноправными членами колхозов. Остальные приписаны к мужьям, и с мужьями ведутся расчеты за их работу. По Узбекистану в 1931 г. было оформлено членами колхоза лишь около 50% колхозниц.

Совершенно позорные цифры дают такие районы Узбекистана, как Ферганский (0,3%), Маргеланский (0,4%), Зоаминский (0,1%).

Очень слабо вовлечены женщины в состав правлений колхозов: по Узбекистану—7%, по Киргизии—14, по Туркмении—15% [1].

И в этом году оформление женщин членами колхоза идет медленно. К 1 марта по всей Туркмении оформлены членами только 60% колхозниц. Сдвиг есть, но недостаточен, и это может выбить из колеи колхозницу, подорвать ее энтузиазм, а стало быть и план хлопковой борьбы.

По Казакстану и Дагестану в связи с весенней посевной женщины привлечены к засыпке семян и к организации труда. В Зыряновском районе Казакстана проводится месячник по внедрению женского труда в колхозное производство. Рейдом охвачено 46 колхозов. В каждом колхозе созданы женские бригады, на их ответственности сбор семян. В этом районе в 36 молочных фермах 18 директоров—женщины.

Самое главное—правильное использование женской рабсилы—в колхозах еще достаточно не учитывается. Женская рабсила большей частью идет в резерв на всякий случай. Не проработан вопрос о плановом привлечении женских рабочих рук на все колхозное производство и использовании их на стороне, передаче их в промышленность.

Нет еще достаточной борьбы за овладение женщинами-националками техникой. Косность, привычка смотреть на женщину как на существо слабое и отсталое еще крепки в жидких мозгах оппортунистов. С этим надо решительно бороться.

Наибольшие сдвиги в бытовом обслуживании колхозниц и совхозниц достигнуты в 1931 г. По Узбекистану в 1930 г. детяслей было 271 с охватом 8 130 детей, а в 1931 г. стало

[1] Данные из материалов 8 марта 1932 г.

512 яслей на 17 тыс. детей. В 1930 г. детплощадок было 1 090 на 29 445 детей в 1931 г.—1 559 детплощадок на 46 770 детей.

В 1930 г. детскими садами и очагами было охвачено всего 4 500 детей, а в 1931 г.—14 770 детей. Далеко не столь велики успехи других республик Средней Азии, Закавказья и др. В этом году на организацию бытовых учреждений—и в первую очередь учреждений общественного питания, детских учреждений—необходимо обратить особое внимание, организовав их с самого начала весенних работ, стимулируя этим широкое вовлечение женщин в колхозно-совхозное производство.

На Востоке ни в коем случае нельзя забывать о прямой борьбе со старыми бытовыми пережитками.

Пережитки старого быта прорываются и в колхозе—с ними надо решительно бороться.

В одном из колхозов Янгиюльского района председатель колхоза «загнал» колхозных коней в уплату за калым. Это говорит о том, что борьба со старым бытом в колхозах ведется слабо. Бытовая работа должна итти по линии культурно-бытового обслуживания колхозников, создания общественных бытовых учреждений и усиления борьбы со всеми рецидивами старого родового быта. Надо решительно вымести из колхоза обычаи, закрепощающие женщину. Лучший путь к изживанию этих явлений—равноправность женщины в колхозе и колхозном производстве, активность ее в управлении колхозом, борьба за поднятие культурного уровня и политической сознательности всей массы колхозников и создание новых форм быта.

Женщина-восточница активно борется за укрепление колхозов. Она все больше входит в производственную работу колхозов, равняясь по мужчине-колхознику.

Работа по вовлечению женщин в колхозы проходит при обостренной классовой борьбе. По Мирзачульскому району (Узбекистан) в колхозе № 1 им. Ленина Мусофир-абадского сельсовета подкулачник Душан Маматкарымов в конце июля убил свою жену—активистку-ударницу Биби-Сады Кувандыкову, за то, что она вступила в колхоз, первая пошла на окучку, увлекая за собой других женщин и перевыполняя норму выработки.

В колхозе «Красный Октябрь» Верхневолжского сельсовета кулаками был подожжен дом, в котором жила женорганизатор. Поджог совершили во время женского собрания по вопросу о подготовке к хлопкоуборочной кампании.

Эти прямые активные вылазки классового врага участились особенно в период проведения двухнедельника по вовлечению женщин в колхозы, проведенного по Средней Азии, участились и вследствие слабой работы многих низовых партийных организаций района.

Активность работниц и колхозниц растет вместе с завоеваниями нашего социалистического строительства. Но недостаточна еще культмассовая работа среди них. Отстает учеба. Недостаточное внимание уделяется работе делегатских собраний.

Неграмотность женщин—самое большое зло, которое надо ликвидировать сегодня, сейчас. Неграмотные колхозница и работница не могут завершить борьбу за хлопковую независимость Союза, за социалистическое животноводство, за выполнение промфинплана промышленности. Для того чтобы победить, надо догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые страны Европы, надо овладеть техникой. А в Азербайджане, Узбекистане и в ряде других национальных районов встречаются места, где всеобуч не охватывает девушек, где среди взрослого населения более 50% женщин неграмотны. Этого не должно быть. Нужно мобилизовать все силы на то, чтобы растущее поколение было сплошь охвачено всеобучем, чтобы впредь не было отставания женской части населения.

В 1933 г. Азербайджан станет страной сплошной грамотности. Для этого проделана огромная работа. Вот сравнительные данные. В 1920 г. грамотных тюрков было 3 016, в 1932 г. их стало 396 682. В 1920 г. грамотных тюрчанок было 374, а в 1932 г. 150 тыс.

По Туркмении в 1926 г. было 24 грамотных тукменки. А в 1931/32 учебном году по аульной сети начальных школ Туркмении из 2 617 учителей—344 женщины, из 240 учителей ШКМ—женщин 39. По сети ликбеза—2 050 учителей, в том числе женщин—782. Это очень ярко характеризует те сдвиги, которые имеются на участке культурной революции.

Но и эти успехи недостаточны. Здесь нужно еще проявить большевистскую настойчивость. Нужно внести больше самодеятельности в обучение взрослых женщин, приблизить учебу к их культурному уровню, производственным интересам. Формы просвещения также нужно реорганизовать соответственно быту и условиям производства.

В Фарабе в прошлом году обучение женщин грамоте проводилось на поле. После тяжелой непривычной полевой работы женщины шли в палатку и брались за букварь. И учились с большой охотой, потому что заинтересовались этим.

Нужно особенно усилить внимание к делегатским собра-

Туркменка Татжигуль Шашурадова, член колхоза „Кзыл-Гюч", организатор женских бригад в колхозе, сама организовала детские ясли

ниям работниц и колхозниц. Делегатские собрания имеют перед партией огромные заслуги в части политического воспитания женских масс и мобилизации их на выполнение важнейших задач партии.

В перевыборную кампанию текущего года по всему Союзу выбрано свыше 3 млн. делегаток, по Востоку—приблизительно около миллиона. В этом году повсюду значительно расширилась сеть делегатских собраний. Так по Казакстану в 1930 г. было 1 982 делегатских собрания—30 793 делегатки, в 1932 г. стало 7 029 собраний—45 870 делегаток. По Башкирии организовано 1 428 делегатских собраний, выбрано более 50 тыс. делегаток.

Эти количественные достижения в охвате делегатскими собраниями женских масс должны сочетаться с усилением партийного руководства работой делегатских собраний и правильной постановкой работы делегатских собраний. Опыт по-

казал, что при умелом руководстве делегатские собрания могут служить лучшими организаторами женских масс. Это подтверждает пример Чувашии.

По всей Чувашии в 1930/31 г. работало 671 делегатское собрание с общим охватом 16 770 делегаток. Большинство делегатских пунктов было организовано при предприятиях, в колхозах.

По всем видам заготовок и мобилизации средств населения работало в Чувашии 417 женских ударных бригад и около 387 ударниц. По инициативе женщин организовано около 58 красных хлебных обозов овощей и льнопеньки. Овощи с артельных огородов сдавались делегатками и на горячие завтраки школам. Силами делегаток и активисток собрано средств населения 53 114 руб. По проверке распределения урожая работает 72 женских бригады и ими вовлечено в колхозы 218 хозяйств, 115 женщин.

В Карелии делегатские собрания для практической работы разбились побригадно, по производственному принципу. Существовали бригады по хозяйственно-политическим кампаниям, по мобилизации средств населения и сберкассам, по хлебозаготовкам и т. п., были бригады по снижению себестоимости, по борьбе с прогулами, по повышению качества, борьбе с браком и т. д.

Перевыборы делегатских собраний текущего года в большинстве мест были проведены как большая политическая кампания. Перевыборы, соединенные с кампанией 8 марта, создали большой подъем среди женских масс. В связи с кампанией делегатки организовывали на предприятиях женские и другие хозрасчетные и ударные бригады, вступали в соцсоревнование, проверяли работу женщин-ударниц, и многое другое. В колхозах они проводили проверку готовности к севу, создавали бригады по очистке семян, вывозу удобрений на поля, по овладению техникой и агрознаниями и т. п. Были организованы женские красные обозы с хлебом, хлопком и фуражом, развернулась большая самодеятельность вокруг организаций детских яслей, садов и т. п.

Опыт прошлого года показал, что систематической работы среди женщин, в частности работы делегатских собраний, нет; что на местах со стороны партийных и советских организаций почти повсюду существует недооценка этой работы. Во многих районах делегатские собрания развалились. И многие из тех, которые работали, не сумели перестроиться лицом к производственным задачам, не выполнили важнейшего решения ЦК ВКП(б) о том, что «делегатские собрания в городе и деревне должны быть таким рычагом—ударной бри-

гадой, при помощи которой, под руководством партии, необходимо привести в движение широчайшие массы работниц, колхозниц и всех трудящихся женщин».

Необходимо усилить руководство и ответственность парторганизаций за работу делегатских собраний. Для руководства ими нужно выделить достаточно подготовленных партийцев, проведя их через краткосрочные курсы. Делегатские собрания нужно создавать по производственному принципу—в колхозе, совхозе, на предприятии—в цехе, в бригаде.

Каждая делегатка должна стать активисткой-общественницей, ударницей своего производства, организатором своего цеха, звена или бригады. В этом ее основное назначение. Без этого работа делегатского собрания—мертвое дело.

Работа среди женщин Востока должна развертываться по принципу соцсоревнования и ударничества, социалистическими методами и формами. Пример Средней Азии, организовавшей соцсоревнование по работе среди женщин между республиками, достоин всякого подражания. В связи с 8 марта и после него там развернулась большая массовая кампания—сталинская эстафета по проверке договора.

Эстафета имеет три основных маршрута: первый—за массовое участие женщин в третьем большевистском севе, за организационно-хозяйственное укрепление колхозов, правильное использование женского труда в колхозах и совхозах; второй—за широкое вовлечение женщин, особенно коренных национальностей, в промышленность; третий—за улучшение бытового обслуживания рабочих и колхозников.

Эстафета должна дать массовую проверку работы среди женщин, поднять активность женских масс, мобилизовать их вокруг очередных политических задач. Эстафета привлечет внимание руководящих и массовых общественных организаций к вопросам работы среди работниц, колхозниц и всех трудящихся женщин, укрепит работу и поднимет ее на высшую ступень. Это еще более усилит активность широчайших масс восточниц в социалистической стройке, приблизит день окончательной победы социализма в Союзе советских социалистических республик.